

Применимо ли понятие истины к мифам?

Можно ли ставить вопрос об истине по отношению к мифам? Казалось бы, нет. Ведь по широко распространенному мнению, миф – это вымысел, он говорит о нереальном. И это отражается в таких высказываниях, как, например, «полученные сведения оказались мифом», «это чистейший миф», «мифическое богатство» и т.п. Но так ли в действительности обстоит дело с мифами? Действительно ли они информативно пусты, ни о чем не повествуют, и поэтому по отношению к ним нет смысла применять категорию «истина»? Ведь об истинности чего-либо мы говорим тогда, когда нечто содержит в себе информацию о чем-то другом. И если эта информация сообщает нам что-то об этом другом, то мы считаем, что она истинна. Вот именно с такой точки зрения на истину мы попробуем посмотреть на мифы и выяснить, есть ли в них подобная информация. Для этого нам нужно проанализировать, как формируется содержание мифов и мифических образов, из каких компонентов оно состоит, и находятся ли эти компоненты в отношении информативности к чему-то внешнему для них? Другими словами, можно ли говорить о наличии у мифических образов каких-то референтов? Сообщают ли мифы что-либо о последних? Можно ли установить между ними, например, отношение соответствия, которым во многих случаях характеризуется истинность тех или иных концептуальных структур? Ответы на подобные вопросы позволят определить ценность и значимость мифов не только для их творцов, но и для современного социума. Мы постараемся показать, каким образом содержание мифов обрело когнитивную значимость как для архаичных людей, так и для нас, их далеких потомков.

Начнем наш анализ с исследования одного конкретного мифа, в котором воплотились все наиболее существенные черты этого вида продуктов мыслительной деятельности древних людей. Это миф из ведийской мифологии, посвященный богам-близнецам Ашвинам.

Кто они, боги Ашвины? В пантеоне богов древних ариев, красочно описанном в собрании культовых гимнов Ригведе, Ашвины занимают важное место. Это видно уже из того, что им посвящено 56 гимнов, т.е. в этом отношении они уступают только главным богам этого пантеона – Индре, Агни и Соме. Ашвины обитают на небе, являясь одними из его повелителей. Ведийский поэт восклицает:

Я славлю двоих выдающихся повелителей этого неба,
Ашвинов я зову песнями, бодрствуя,
(Тех,) что сразу на восходе зари стремятся охватить
Границы земли, далекие просторы (VI.62.1).

Место и роль Ашвинов в жизни ариев. На своей быстроходной колеснице, запряженной сверкающими конями, Ашвины каждый день проезжают по небу через воздушное пространство, везя людям счастье, питание, жертвенную усладу, самые яркие дары, истинные молитвы (V.62.2-5). Их главное достоинство – они по первому зову бросаются спасти людей, попавших в беду, являются «божественными целителями», излечивающими больных и немощных (VIII.18.8.) Они также выручают людей, пострадавших от несчастных случаев. Кроме того, Ашвины – дарители материальных благ и процветания. В гимнах 112, 116, 117 первой мандалы (книги) РВ перечисляется большое количество чудесных, героических деяний, которые совершили Ашвины, помогая людям, спасая их. Вот некоторые из этих деяний:

Это Тугра покинул Бхуджью, о Ашвины, в потоке воды,
Как какой-нибудь умерший – (свое) богатство.
Вы вывезли его на одушевленных,
Плывущих по воздуху, водонепроницаемых ладьях.

Вы вывезли Бхуджью, о Насатьи, на птицах,
Способных пролететь три ночи, три дня,
На берег моря, на ту сторону хляби,
На трех колесницах и сотне ног, о шести конях.

Белый конь – это дрящущее счастье –
(Что вы) подарили тому, у кого плохой конь,
Да будет воспет этот ваш великий дар...

Снегом вы задержали пылающий огонь,
(А) ему дали подкрепляющую пищу.
Атри, сброшенного в раскаленную печь, о Ашвины,
Вы извлекли благополучно вместе со всей свитой.

Вы сдвинули колодец, о Насатьи:
Сделали его кверху дном, с отверстием на сторону.
Как воды стремятся для питья, (так потекли они) для богатства,
Для жаждущей тысячи (людей) Готамы.

О Насатьи, состарившийся покров тела

Вы сняли с Чьяваны, как одежду.
Вы продлили срок жизни покинутому (всеми), о удивительные.
И даже сделали (его) мужем юных жен.

Прямо из пасти волка вы, о два мужа,
О Насатьи, спасли перепелку.
А еще вы сделали, о многополезные, (так,)
Что горюющий певец стал (снова) хорошо видеть.

Везя богатство, счастливую власть, (долгий) срок жизни,
Благословенной хорошим потомством, обилие героев, о Насатьи,
Вы приехали, единые мыслью, с наградами к потомству Джакну,
Трижды в день приносившему (вам жертвенную) долю.

Вы помогли Ваше, о Ашвины, сражаться,
Чтобы завоевать тысячи за одно утро.
Сопровождаемые Индрой, вы прогнали несчастья
(И) враждебность от Притхушраваса, о два быка (I. 116).

Как коня, спрятанного (ворами), о Ашвины,
Риши Ребху, (спрятанного) в водах злодеями, о два мужа-быка,
(Своими) чудесными силами вы восстановили, (уже) разложившегося.
Не стареют ваши прежние деяния!

Вы Шьяве Канве дали белую (корову)
Из великого стада, о Ашвины.
Провозглашено должно быть то ваше деяние, о быки,
Что сына Нришада вы покрыли славой.

Велика ваша помощь, о Ашвины, целительна.
Даже хромого... вы восстановили.

О удивительные, немолочную, яловую, истощенную
Корову, вы сделали для Шаю, о Ашвины, набухшей (молоком).
(Своими) силами Вимаде вы привезли
Жену, девицу Пурумитры.

Делая подарки, о Ашвины, вы дали
Вадхримати сына Хираньяхасту, о два мужа.
Разрезанного на целых три части Шьяву, о Ашвины,
Вы, о щедро дарящие, подняли к жизни (I.117).

Именно за все эти деяния арии называли Ашвинов теми, «кто лучше всех встречает беду» (III.58.3), «скорее всех приходящими на помощь в беде» (I.118.3). К этим же богам арии обращаются с просьбой наделить их богатством, всякими благами. Их именуют дарителями коней, коров, мужей, благополучия, счастья. Ашвины являются также божествами плодородия, способствующими рождению животных и растений. А если так, то арии именно к ним обращаются с просьбой о своем благополучии. Когда же арийские племена переселились в Индию и занялись земледелием, то Ашвины стали помощниками и в этом деле.

Начав войну за завоевание индийских земель, арии и в этом случае обращались за помощью к Ашвинам. Поскольку эти боги отличались своей способностью быстро перемещаться в пространстве, мчась по воздуху на своей стремительной, как мысль, колеснице, то они как раз лучше всего подходили для того, чтобы в любую минуту оказаться рядом и помочь во время сражений.

Когда (вы) в воздухе, когда в небе,
Когда среди пяти (родов) человеческих, –
Даруйте (нам) мужество, о Ашвины!

Если бы сегодня, о Ашвины,
Я позвал бы (вас) для захвата награды,
Если бы в боях, чтобы преодолеть (вражескую) силу,
То это лучшая помощь Ашвинов.

Вперед для блеска, вперед для силы,
Вперед для покорения мужей, для (нашей) защиты,
Вперед для силы действия, о два прозорливца (VIII. 9.2,12,20).

В гимнах к Ашвинам этого времени описывается много конкретных событий. При этом называются вполне конкретные имена арийских воинов. Такое содержание гимнов дает возможность получить достаточно определенное и яркое представление о том, как происходило завоевательное нашествие на Индию.

Если характеризовать в целом роль Ашвинов в жизни ариев, то оно сводится к совокупности деяний, помогающих ариям решать свои многочисленные житейские проблемы, т.е. касается повседневного бытия, ежедневных трудностей и забот. Поэтому Ашвинов можно назвать божествами каждодневной жизни, начиная от рождения человека и кончая его смертью. В любую минуту жизни, сталкиваясь со всевозможными нуждами, арии обращались к Ашвинам, уверенные в быстрой поддержке и помощи с их стороны. Это были боги-целители, спасители, защитники, помощники в создании благополучной жизни. Все,

охватываемые этими функциями Ашвинов стороны жизни ариев, были довольно важными, поэтому данные боги занимали видное место в сонме всех богов. Автор стиха VII.73.1 даже называет их первыми среди них.

История богов Ашвинов. Согласно РВ, это древние боги, «испокон веку рожденные» (VII.73.1). Еще в прежние времена, говорится в другом гимне, риши призывали их на помощь, и по заботам об ариях те были впереди других богов (VIII.8.5,6). Не только для современников ведийских певцов, но даже для родоначальников ариев Ману Ашвины «искали путь» (I.112.16). А это было задолго до нашествия ариев на Индию. Эти боги помогали найти путь к местам благополучного обитания. В ведах Ашвины связаны с периодом развитого скотоводства и коневодства у ариев. В это время арии уже интенсивно использовали колесницы. Все это отразилось в имени этих богов. Слово «Ашвины» буквально означает «рожденные от коня», «обладающие конями», «конники».¹

Но у этих богов есть и другое имя – Насатьи. Одни исследователи считают, что это имя буквально означает «носатые», что указывает на их лошадиный облик². Такая точка зрения восходит к народной этимологической традиции, которая выделяет в этом эпитете элемент «nasa» (нос), что отражает мотив рождения этих персонажей из носа кобылицы. Но этот мотив указывает на божественное происхождение Ашвинов. Дело в том, что кобылицей была никто иная, как дочь одного из главных богов Тваштара, принявшая этот облик в момент бегства от своего супруга бога Вивасвата.

Согласно другому мнению, это имя означает «исцеляющий», «освобождающий»³. Такая точка зрения больше соответствует основным функциям этих богов – быть целителями, спасителями. И это имя более древнее, чем имя «Ашвины». Первоначально даже только один из них назывался Насатьей, а другого называли Дасрой. В одном из древних документов, найденном на Ближнем Востоке на территории древнего государства Митанни, относящемся к XIV в. до н.э., засвидетельствовано именно это имя – Насатья. Притом оно упоминается наряду с такими главными богами индоиранцев, как Индра, Варуна, Митра. Это говорит о большом весе Насатьи в ранневедийском пантеоне

¹ Иванов В.В. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от asva-«конь» // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. – М., 1974.

² См.: Эрман В.Г. Очерк истории ведийской литературы. – М., 1980. С. 56; Васильков Я.В. и. Невелева С.Л. Комментарий // Махабхарата, книга 14. – СПб., 2003. С. 219.

³ Топоров В.Н. Насатья // Мифы народов мира. Т. 2. – М., 1998. С. 202.

божеств⁴. Позднее за этими богами закрепляется имя «Ашвины». Оно становится основным и уже полностью преобладает в ведах. Постепенно эти божества наделяются и другими функциями.

Из анализа этимологии данных богов уже можно выявить некоторые черты их прототипа, реального референта, т.е. начать отвечать на вопрос: какое же явление природы они персонифицируют? Эти черты такие:

Связь с конями говорит о том, что это явление способно быстро перемещаться в пространстве (1);

Оно обладает исцеляющими свойствами, освобождает от недугов (2).

Весьма разноречивыми являются повествования о родителях Ашвинов. Самое пространное из них сообщает, что матерью Ашвинов была дочь одного из главных богов Тваштара Саранью, а отцом – бог восходящего солнца Вивасват. Поначалу близнецам дали разные имена – Насатья и Дасра. Позднее обоих сыновей стали называть Насатьями, или Ашвинами (X.17.1-2). Имя матери буквально означает «быстрая, проворная». Эти свойства вполне можно перенести и на сыновей и тем самым еще раз подтвердить у них наличие способности к быстрому передвижению. Имя же отца Вивасвата означает «сверкающий». Имя одного из Ашвинов – Дасра – на ведийском языке также означает «сверкающий, яркий»⁵. Следовательно, можно предположить, что этот признак имеется как у самих Насатьев, так и у олицетворяемого ими какого-то природного явления, т.е. можно говорить еще об одном свойстве:

Оно является сверкающим (3).

Важно обратить внимание на то, что и мать и отец – это утренние явления. Мать отождествляется с богиней утренней зари Ушас или с солярной девой Сурьей. Отец же олицетворяет восходящее солнце. Это позволяет предположить, что и

Насатьи также представляют собой какое-то утреннее явление (4).

Читатель уже, вероятно, заметил, что я исхожу из определенной закономерности, характерной для соотношения божеств и их реальных референтов. Божества, как правило, имеют в своем внешнем облике некоторые черты, которые сходны с чертами олицетворяемых ими природных явлений. Это сходство и позволяет с достаточной степенью определенности установить в

⁴ Дьяконов И.М. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа // Вестник Древней истории, 1970. № 4. С. 39-63.

⁵ Bhattacharji S. The indian teogony. Cambr. 1970. P. 236.

самом начале процесса истолкования образа богов их действительные прототипы.

Продолжая исследовать происхождение Ашвинов, мы обнаруживаем, что они, согласно РВ, имели помимо Вивасвата и Саранью еще и других родителей. Это обстоятельство не усложняет нам работу, а, напротив, дает возможность определить еще некоторые черты прототипа Ашвинов. Авторы мифов об этих богах именно потому и наделили их множеством родителей, что это давало возможность объяснить наличие у прототипа большого количества разных свойств, которые нельзя было вывести из внешнего вида какого-либо одного божества и соответствующего ему какого-то природного явления. Здесь мы сталкиваемся с одним из широко используемых мифотворцами приемов – многовариантным решением одной и той же проблемы. И это делалось несмотря на то, что разные решения противоречили друг другу. Но этим противоречием пренебрегали ради получения возможности объяснить наличие множества разных свойств у прототипов богов. Каждая мифема считалась истинной, если она объясняла хотя бы что-то в прототипе, и от нее не требовалось согласие с другими мифемами, относящимися к тому же мифическому образу как целому. Частичное соответствие отдельных элементов этого образа ставилось выше их полной когерентности внутри этого образа.

Возвращаясь к вопросу о происхождении Ашвинов, мы находим, что сначала один из них считался сыном Неба (I.181. 4), а затем таковыми («отпрысками Неба») называются оба (I.184.1). В стихе I.117.11 их называют внуками Неба. Связь Ашвинов с Небом подсказывает еще одну черту этих богов:

Они возникли в небесной вышине (5).

В одном из гимнов говорится совершенно иное о том, кто является матерью Ашвинов. Это небесная река Синдху. В этом случае вполне определенно идет речь о связи Ашвинов с водой. Поэтому можно констатировать еще одну черту референта этих богов:

Этот референт имеет отношение к воде (6).

Наличие разных матерей у Ашвинов помогает понять смысл слов из стиха I.181.4, в котором Ашвины называются «рожденные в разных местах». Если в этом же стихе говорится, что один из Ашвинов – сын Неба, то другого можно считать, например, сыном Синдху. И тогда действительно оба брата-близнеца родились в разных местах: один собственно на небе, другой в более определенном месте этого неба – в реке Синдху. О связи Ашвинов с водой

говорится и в других стихах, причем речь уже идет не только о небесных водах, но и о морской воде:

... У вас двоих колесница, о удивительные,
С общей упряжью, бессмертная,
Едет по морю, о Ашвины! (I. 30.18)

Внешний облик Ашвинов и их путь по небу. Как сами эти боги, так и все связанные с ними предметы и явления описываются яркими, жизнерадостными красками. Ашвины – прекрасные юноши в венках из лотоса (X.184.3), «быстрорукие повелители красоты, многорадостные», «богатые чудесами», следующие «сверкающим путем» (I.3.1-3). Из этого описания можно вывести такие признаки олицетворяемого этими богами явления:

Оно красиво, вызывает радостное чувство, возникает быстро, похоже на чудо, сверкает (7).

Не менее красочно описана колесница Ашвинов:

(Та) ваша колесница с тремя сиденьями,
С золотыми поводьями, о Ашвины,
Которая объезжает вокруг неба и земли, знаменитая,
На ней приезжайте, о Насатьи! (VIII.22.5)

Золотые у вас поручни,
Оглобли, ось золотая,
Оба колеса золотые. (VIII.5.29)

Колес у нее, как и сидений – три. Они предназначены для Ашвинов и их жены Сурьи. В других вариантах мифа говорится, что на третьем сиденьи сидит богиня утренней зари Ушас. Щедро наделили ведийские поэты колесницу тягловой силой. Это то кони, то орлы, то осел, то дельфины. Это свидетельствует о восторженной любви, которую испытывали арии к Ашвинам. Все эти признаки еще раз говорят о какой-то необычайной красочности прототипа этих богов, причем этот прототип всем хорошо известен и чем-то прославился. А то, что колесница объезжает вокруг Неба и Земли, намекает на способность этого прототипа появляться повсюду. Так что можно дополнить ранее выявленные черты этого прототипа следующей:

Он повседневен, встречается везде, чем-то полезен (8).

Еще несколько признаков референта можно выявить, если проанализировать путь, по которому Ашвины движутся в течение дня. Они начинают его на небе рано утром.

Вы пробуждаетесь рано утром, как двое стариков...
Каждый день на заре вы отправляетесь в дом как достойные жертв (X.40.3).

Пусть на самом раннем рассвете вашу колесницу
Прикатят благожелательные бычьи (кони)! (VII.71.3)

Ашвины пробуждаются раньше утренней зари. Она появляется после них:
Вслед за вашей красотой Ушас
Потянулась, когда вы странствовали вокруг (I.46.14).

На основе приведенных строк можно воссоздать такой признак референта Ашвинов:

Он появляется с рассветом, притом раньше зари (9).

Путь, по которому Ашвины продолжают начатое движение, не прямой. Во-первых, он «отлог» (I.118.3), проходит по небу от берега до берега (I.46.11) и идет под уклон (I.119.3). При этом Ашвины объезжают Солнце (I.112.13). Во-вторых, их путь идет по кругу. Они совершают «круговой объезд» (VI.63.2), легко катится их «ездящая кругами» колесница (X.39.1).

Из этих описаний видно, что траектория движения Ашвинов похожа на траекторию движения солнца. На восходе они поднимаются на небо, плавно объезжают по кругу солнце и на закате спускаются по небосводу вниз, пройдя, таким образом, от одного края (берега) неба до противоположного, т.е. от утренней зари до вечерней. Такая особенность пути Ашвинов позволяет приписать их референту следующий признак:

Это явление раннего утра и позднего вечера, перемещается от восхода до заката по небу, т.е. характеризуется парностью (10).

Ашвинам присуще еще одно важное свойство. Они были «знающими урочный час» (VIII.5. 9), регулярно появлялись утром до зари и вечером (I. 34. 3,10). Регулярность – одна из тех существенных закономерностей природы, которую издавна подметили древние люди и которую они особенно ценили, поскольку она помогала им упорядочивать свою деятельность. Они видели ее прежде всего в движении солнца, звезд и планет и воспринимали как закон. Если они обнаруживали ее в других явлениях, то оценивали таким же образом и считали, что эти явления добавляют закономерности главному для них закону движения небесных тел. Из-за этого ведийские мудрецы называли Ашвинов «двумя воплощениями закона» (I.180.3), «умножающими закон» (I.47.1). Эта характеристика Ашвинов позволяет нам дополнить набор признаков их референта такой чертой:

Данное явление появляется с определенной регулярностью (11).

Дар Ашвинов. Главной чертой этих богов, которую особенно выделяют авторы РВ, является то, что они приносят людям весьма полезный для них дар. Что представляет собой этот дар? В этом суть загадки образа данных богов. В ней скрывается действительный референт этих мифических персонажей. Загадочным он является потому, что прямо в гимнах он, можно сказать, не называется и представлен в них в основном иносказательно – метафорами, аналогиями, сравнениями, ассоциативными образами и т.д. В раскрытии подлинного предметного значения этого по существу поэтического образа и заключается действительная цель разгадки реального денотата этих богов.

Этот денотат характеризуется прежде всего самыми высокими ценностными понятиями материального плана. Он называется благом (I.46.13), добром, богатством (I.47.3,9; VII.71.2), сокровищем (I.46.2), чудесными силами (V.73.2), поразительной пищей (VII.74.2). В других гимнах дар Ашвинов наделяется более конкретным обликом. Это или мед, каким сочатся ободья колесницы Ашвинов (I.139.3), брызжут им (I.180.1), или напитки из меда (I.181.6), или сладкие напитки (I.117.6). Мед находится в кожаном мешке, погруженном на колесницу (VIII.5.19). И кнут у Ашвинов медовый. Жрецы просят окропить им жертву, приносимую богам (I.22. 3). Но добро, привозимое Ашвинами, предстает и в виде жира (I.157.2), и в виде воды, что видно из слов:

... Ваша бычья туча набухла, о два быка,

Словно корова при излиянии (молока), делая приятное людям (I.181.8).

Важно обратить внимание на то, как Ашвины изливают свой мед, жир и т.д. Они окропляют ими людей, жертву, т.е. проливают их в виде капель, разбрызгивают. Эта особенность дара Ашвинов передается посредством сравнения его с потом пахарей (X.106.10). Но в каком бы виде не выступал дар Ашвинов, он обладает яркой красотой, почему поэты называют Ашвинов «повелителями красоты» (I.47.5; VIII.5.5; X.93.6).

Для того чтобы понять, что же стоит за словами «мед», «жир», «молоко», которые несут людям Ашвины, обратимся к стихам некоторых гимнов и определим подлинный объект этих имен.

В стихе I.166.2, посвященном богам грозы и дождя Марутам, читаем:

Неся мед, как родного сына,

Резвятся резвые (боги), радостные на местах жертвенных раздач.

Из этих строк ясно, что медом называется дождь, дождевая вода, поскольку олицетворением именно их являются данные боги. В стихе I.166.3 дождь называется молоком:

Маруты для него (жертвователя.- А.М.) как добрые (друзья) орошают
Молоком многие (пространства), (эти) благодатные (боги).

Под медом подразумевается не только дождевая, но и вода в реках:

...Мед струят реки (I.90.6).

Таким образом, слово «мед» используется авторами РВ в качестве метафоры воды. Следовательно, тот дар, который везут с собой Ашвины, это вода. Этого «меда» (воды) у них так много, что кожаный мешок, в котором он находится, лопается. Мешку поэты придают большое значение, так что наряду с Ашвинами и их спутницей Сурьей его называют четвертым седаком на колеснице (IV,45,1). Но если в мешке вода, то понятен смысл следующей строки РВ:

Вы (Ашвины. – А.М.) освежаете медом колею на дороге.

Медом риши называли не только воду. Это слово они применяли ко всему, что было приятным и полезным человеку:

...медовыми для нас да будут растения!
Медоносным (пусть будет) земное пространство!
Медом пусть будет Небо – наш отец!
Медоносным (пусть будет) нам лесное дерево!
Медоносным пусть будет солнце!

Медоносными пусть станут нам коровы! (I.90.6-8).

Аналогичным образом обстоит дело и со словом «жир». Это также метафора воды, что видно из следующих строк:

Когда в извилинах горы (тучи.- А.М.) вы решили (отправиться) в поход
Словно птицы на каком-нибудь пути, о Маруты, -
То протекают по каплям бочки на ваших колесницах.
Кропите жиром медового цвета для вашего певца! (I.87.2).

У этих богов грозы и дождя из бочек может капать только вода. Она же подразумевается под жиром и в просьбе жреца к богам Митре и Варуне:

О Митра-Варуна, окропите
Потоками жира наше пастбище,
Медом – просторы, о обладатели прекрасной силы духа! (III.62.16).

Очевидно, что пастбище может быть окроплено дождевой водой.

Сделанный анализ позволяет определить еще один важный признак референта Ашвинов:

Он представляет собой воду, падающую на землю сверху (12).

И, наконец, назовем самый очевидный признак прототипа, вытекающий из близнечного характера этих богов:

Референт представляет собой парное явление (13).

Референт, или прототип Ашвинов. Итак, мы выявили большое количество признаков этого референта, которые позволяют определить его вполне однозначно. Но прежде посмотрим, какие трактовки этого референта существуют в ведологической литературе.

В мифах народов мира часто встречаются боги-близнецы, каковыми были и Ашвины⁶. Мифологи заметили, что такие боги олицетворяют парные феномены, имеющие место в природе. Поэтому для Ашвинов исследователи также подыскивали реальные парные явления. Но задача оказалась трудной. «...Едва мы прочтем какой-нибудь гимн, едва несколько стихов, в которых ярко изображаются они, космические явления, связанные с рассветом, зарей и росой, в нас является непреодолимое желание искать, какое же явление природы легло в основу представления близнецов, и тотчас являются гадания и неумения», – писал в XIX веке известный русский филолог В.Ф. Миллер⁷. Эти недоумения сохранились до нашего времени. Проблема оказывается нерешенной до сих пор, о чем говорит индийский исследователь Вед С. Бхаттачарджи: «Природный субстрат Ашвинов трудно определим, и поэтому у ученых нет согласия относительно их идентичности»⁸.

Еще во времена Миллера была выдвинута целая серия предположений о референте этих божеств. Русский исследователь выявил их в ряде сочинений и внимательно рассмотрел в своих «Очерках»⁹. Так, немецкий ученый А. Вебер считал, что Ашвины олицетворяют созвездие Диоскуров, которое часто стоит на небе на рассвете. Английский индолог М. Мюллер предполагал, что Ашвины персонифицируют приход дня и ночи. По мнению Т. Гольдштюкера, они символизируют утренние и вечерки сумерки. Историк религии Вильгельм Маннхардт полагал, что Ашвины являются олицетворением утренней и вечерней звезды. Позднее эту точку зрения разделял и известный немецкий санскритолог Герман Ольденберг. Несколько гипотез высказал итальянский санскритолог Анжело де Губернатис. Для него Ашвины были то божественным воплощением осени и весны, то осенним и весенним равноденствием, то двумя светлыми

⁶ Иванов В.В. Близнечные мифы // Мифы народов мира. Т. 1. – М., 1998.

⁷ Миллер В.Ф. Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой. Т. 1. – М., 1876. С. 329.

⁸ Bhattacharji S. The indian teogony. P. 245.

⁹ Миллер В.Ф. Цит. соч. С. 324-340.

явлениями, которые предшествуют дню – утренних беловатых сумерек и красноватой зари, то, наконец, Солнца и Месяца, двух братьев, сопровождающих зарю, когда она находится на грани между днем и ночью.

В.Ф. Миллер по каждой точке зрения приводит вполне убедительные возражения, показывая их неудовлетворительность. Но в конце концов он, не найдя иного решения, присоединяется к трактовке Ашвинов как персонификации Солнца и Месяца. Он пишет: «Если спросим себя, что в природе могло бы породить в младенческой фантазии представление о светлых близнецах, то ответ найдем немедленно. Нет и не было в видимой природе другого двойного светового явления, кроме Солнца и месяца»¹⁰.

Перечисленные Миллером трактовки сохранились до нашего времени. Современные авторы и сейчас разделяют ту или иную из них¹¹. Но если помимо тех возражений, которые были у Миллера, мы посмотрим на них с точки зрения выявленных в данной статье черт референта Ашвинов, то увидим еще раз их неадекватность. Так, к примеру, они не обладают видимой способностью быстро перемещаться в пространстве, не все из этих объектов имеют отношение к воде, не все появляются с рассветом или в вечерних сумерках, и тем более далеко не все обладают способностью исцелять. Не все из этих феноменов являются сверкающими. Что касается Солнца и Месяца, то они настолько отличны друг от друга, что к ним трудно применить эпитет «близнецы». И ходят они по небу, как правило, не вместе, а поодиночке.

Приведенные трактовки опираются лишь на один, хотя и весьма важный признак Ашвинов – их парность. Но при этом не учитываются другие признаки, вследствие чего эти трактовки вступают в противоречия с последними, не объясняют целостный облик этих богов. Некоторые интерпретаторы принимают во внимание связь Ашвинов с утренней и вечерней зарей и благодаря этому подходят более близко к адекватной трактовке их референта. Так, еще древний индийский лексикограф Яске называл одного из Ашвинов сыном ночи, а другого сыном рассвета (Нирутта, XII.2). Но эта трактовка лишь приближается к подлинному референту, верно подмечая его отношение к этим частям суток.

¹⁰ Там же. С. 333.

¹¹ Топоров В.Н. Ашвины // Мифы народов мира. Т.1. С. 144-145.

Помимо свойства парности нужно обратить внимание на другой существенный признак искомого референта, а именно на то, что он связан с водой, а еще более точно – он представляет собой воду, падающую сверху. Но какая это вода? Дождевая? Нет.

Что же (это было такое), что вы, самые большие любители жертвенных услад (и)
богатств,

Действуя как адхварью (жрец. – А.М.), извлекли из вод? (I.181.1)

Если это не дождевая вода, то нужно искать такую, к которой можно прибавить другие, ранее выявленные признаки и, прежде всего, регулярность, повседневность, парность, появление ранним утром и поздним вечером. Но такие свойства есть у росы. Следовательно, она – утренняя и вечерняя – референт богов-Ашвинов. А если к этим признакам прибавить еще и красочное описание этого референта (оно красиво, ярко, сверкает на утренней заре, похоже на чудо, вызывает восхищение), то сомнения относительно правильности такого предположения исчезают.

Здесь уместно привести описание утренней зари с выпадением росы из греческой мифологии: «Все ближе утро. Богиня Луна уже давно спустилась с небосклона. Чуть посветлел восток. Ярко загорелся на востоке предвестник зари Эос – Форос – утренняя звезда. Подул легкий ветерок. Все ярче разгорается восток. Вот открыла розоперстая богиня Заря-Эос ворота, из которых скоро выедет лучезарный бог Солнце-Гелиос. В ярко-шафранной одежде, на розовых крыльях взлетает богиня Заря на просветлевшее небо, залитое розовым светом. Льет богиня из золотого сосуда на землю росу, и роса осыпает траву и цветы сверкающими, как алмазы, каплями. Благоухает все на земле, всюду курятся ароматы. Проснувшаяся земля радостно приветствует бога Солнца-Гелиоса.»¹².

Это картина полностью совпадает с картиной росного утра, неоднократно описанной в РВ. Отличие в том, что арийские поэты называют росу метафорически, а эллины – ее собственным именем. Но это как раз и помогает нам идентифицировать объект, представленный в РВ метафорами.

Но в одном случае в Ригведе появляется обозначение этого референта словом, которое может быть переведено как роса. Это слово «*dānu*». Из-за его многозначности не все переводчики поступают таким образом. «*Dānu*» – это и влага, и сочащаяся жидкость, и капли, и роса. Поэтому переводчики оказываются перед выбором, от правильности которого зависит адекватное понимание референта Ашвинов. К. Гельднер трактует это слово в данном контексте как

¹² Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. М.,2000. С.53.

«дар», «подарок» («der Gabe»), Л. Рену – «вода» («eau»). Г. Грасман останавливается на слове «der Thau» – роса. Таким же образом поступает и Т.Я. Елизаренкова:

Наделите вы его, о Ашвины,
Питательной силой, сочащейся жиром,
(Того,) кто восхваляет вас за доброжелательность,
Жажда добра, о повелители росы! (VIII.8.16).

Важно обратить внимание еще на одно слово, которым часто сопровождается дар Ашвинов. Это слово «кропить, окроплять». Своим даром Ашвины окропляют жертву, землю и т.д.:

Ваш медовый кнут,
О Ашвины, что дает благо –
Окропите им жертву! (I.22.3)

Когда вы запрягаете, о Ашвины, (вашу) мужественную колесницу,
Окропите жиром (и) медом нашу власть! (I.157.2)

Процесс окропления представляет собой разбрызгивание какой-либо жидкости каплями. А это как раз хорошо подходит к описанию процесса появления росы: она каплями оседает на растениях и других предметах.

После нахождения действительного референта Ашвинов мы можем легко истолковать следующую фразу из РВ:

...о легко призываемые, следующие сверкающим путем Ашвины... (VIII.22.1)

и другое, аналогичное выражение:

К нам со всеми поддержками
Приезжайте вы, о Ашвины,
Чудесные, оставляющие золотой след! (VIII.8.1)

Относительно первой фразы Т.Я. Елизаренкова пишет: «Не вполне ясный эпитет Ашвинов, вызвавший много толкований»¹³. Но если референтом Ашвинов считать росу, то можно вполне отчетливо представить себе картину утренней росы, сверкающей, золотящейся под лучами восходящего солнца. И тогда становится ясным предметное значение этих метафорических выражений.

Предложенная трактовка делает понятными и такие стихи:

Одно колесо колесницы – диво на удивление –
Вы удержали в стороне.
(С другим) вы летаете над другими –
Над поколениями Нахуши, мощно – над просторами. (V.73.3)

¹³ Ригведа. Мандалы V-VIII / Примечания к VIII.8.1. – М.: Наука, 1999. С. 684.

На заре Ашвины выливают росу в одной стороне неба. Это и является смыслом фразы «одно колесо колесницы...вы удержали в стороне». После этого они мчатся к противоположной стороне неба и там проливают оставшуюся часть росы. Таково значение другой фразы этого стиха.

Значение росы для ариев. Но почему вдруг роса, такое, казалось бы, незначительное природное явление стало прототипом для одних из самых главных богов ведийского пантеона? Видимо, в глазах ариев она была чем-то более значимым по сравнению с нашими представлениями о ней. Ведь неслучайно в ведийской лексике она обозначалась одним словом «*gasa*» наряду с такими феноменами, как сок и эликсир бессмертия, которые, согласно представлениям ариев, обладают большой питательной силой. А в имени Насатья, которое, по мнению Баттарджи, означает «безобманный», отразилась вера ариев в надежность обещаний этого бога о помощи. И что же в конце концов лежало в основе почитания Ашвинов наравне с такими главными богами, как Индра, Тваштар, Митра, Варуна, Агни?

Это будет понятно из некоторых просьб, обращенных арийскими жрецами к Ашвинам.

По трем далям, о Насатьи-колесничие,
Приезжайте, как дыхание-ветер – на пастбище! (I.34.7)
Трижды, о Ашвины, с реками – семью матерями (приезжайте)! (I.34.8)
Жиром окропите (нам) пастбище! (VII.5.6)

Становится ясно, что референт Ашвинов – роса – имела большое значение для ариев-скотоводов как ороситель трав, которыми питались домашние животные. Благодаря Ашвинам травы росли буйными, так что скоту и, прежде всего коровам, хватало корма, и те давали много молока.

Вы вложили молоко в корову,
Вареное – в сырую, древнее (богатство) коровы,
Которое вам, о два воплощения закона (?), в деревянном сосуде,
Подносит жертвователь, (и оно –) словно сверкающая птица (солнца) (I.180.3).
Сделайте наших коров набухшими (от молока), скакунов – резвыми! (I.118.2)

Хорошая трава является щедрым медоносом. И это ее достоинство жрецы ставят в заслугу Ашвинам. Это они приносят мед, «приятный пчелам». Приписывая Ашвинам большую роль в обеспечении питанием, арии вследствие этого считали их божествами изобилия, плодородия и восторженно воспевали их за это:

Сея зерно, о Ашвины, вспахивая на волке,

Доя для человека подкрепляющий напиток, о удивительные,
Сдувая дасью с помощью бакуры,
Вы создали широкий свет для ария (I.117.21).

Нужно заметить, что роса не является слишком обильным оросителем. Количество осадков при росе невелико, составляет в среднем около 0,1 – 0,3 мм за ночь, но и такое количество значимо, и тем более в условиях засухи, а она, по-видимому, была в тех местах, где в доведийские и ведийские времена обитали пастушеские племена ариев, если так сильно они возвеличили это явление. И действительно, как установили исследователи палеоклимата, в тот период, в раннебронзовый век в Подунавье и на Северном Кавказе наблюдалась резкая аридизация климата. Это обусловило миграцию ариев на восток, в Приуралье, а затем и в Центральную Азию¹⁴.

Связывание Ашвинов с росой делает также понятным, почему их считали божествами-целителями. Дело в том, что роса является целебным средством. Хождение по ней утром повышает общий тонус, улучшает кровообращение и даже излечивает от такого тяжелого заболевания, как варикоз. Ею удается заживлять небольшие язвы на коже. В №10 «Вестника ЗОЖ» за 2003 г. читательница В.А. Заболотина рассказывает: «40 лет назад у моей годовалой дочки стал нарывать пальчик на руке. Лечили мы девочку месяцев восемь, пока один молодой врач не подсказал простое средство: росу. Мы отвезли ребенка в деревню и каждый день, утром и вечером, водили ее по свежей росе. Через 2 недели пальчик очистился и больше не болел». Известная болгарская целительница Ванга также советовала своим посетителям использовать росу в качестве лечебного средства при некоторых болезнях.

Древние арии, видимо, знали эти свойства росы, пользовались ими и называли ночную, утреннюю и вечернюю росу «небесными лекарствами» (I.34.9), обращались к Ашвинам с просьбой:

Продлите срок жизни! Сотрите (телесные) повреждения! (I.34.11)

Истинное и ложное в мифических образах. На примере анализа образа Ашвинов мы видим, насколько гетерогенным является содержание таких образов. В нем слиты воедино реалистические элементы и вымышленные, элементы, относящиеся к одной области действительности и к другой, отнюдь не родственной области. В целом содержание всякого мифа или мифического образа можно разделить на два вида, или слоя: на содержание, адекватное

¹⁴ Кузьмина Е.Е. Первая волна миграции индоиранцев на юг // ВДИ. 2000. № 4. С. 9.

реальным референтам данного мифа или образа, и на содержание, неадекватное им.

Адекватное реальности содержание мифа – это те его элементы, которые более или менее достоверно отображают референт. В этих элементах заключаются реалистические представления мифотворцев о соответствующем явлении действительности. Это их знание о нем. Подобных фрагментов знания немало в ведийских мифах. Благодаря таким фрагментам мифам присущ реализм в описании референтов божественных персонажей, и мы получаем представление о характере знаний индоариев. Эти знания основываются на чувственных восприятиях и их эмпирических обобщениях и ими они, как правило, ограничиваются, поэтому они неглубоки, отображают лишь поверхностные свойства явлений, не проникают в их суть, механизмы, причины. Мы видели это при вычленении из мифа об Ашвинах признаков росы. Покажем это еще раз на другом примере – на описании признаков ветра, приводимых в гимне богу этого явления Вате.

(Я хочу провозгласить) сейчас величие Ваты, (его) колесницы:

Он движется, сокрушая, гремит его грохот.

Он едет, касаясь неба, создавая алые (тона).

А также движется он по земле, поднимая пыль.

Вслед за Ватой устремляются (все) виды ветров.

Они мчатся к нему, как женщины на праздничное собрание.

Вместе с ними на одной колеснице едет бог, Царь всего мироздания.

Он ездит взад-вперед по путям воздушного пространства,

Не успокаивается ни в какой день.

Друг вод, перворожденный, преданный закону.

Где он родился, откуда возник?

Дыхание богов, зародыш мироздания,

По (своей) воле странствует этот бог.

Слышат только его грохот, (а) облика не (видят).

Этого Вату мы хотим почтить жертвенным возлиянием (X.168).

В гимне вполне реалистично, осязаемо описаны свойства ветра, которые мы обычно воспринимаем слухом, зрением, телом. Но этим и ограничиваются представления ариев о ветре. Они не смогли постичь более существенные его признаки и не нашли ответа на вопросы о его природе: «Где он родился, откуда возник?»

Такой же характер носят знания ариев об огне. Это явление довольно красочно и разнообразно описано в гимнах, посвященных богу Агни. Но и в этом случае эти знания касаются лишь внешних, чувственно воспринимаемых признаков огня. Когда же речь заходит о более глубоких его признаках, то представления ариев оказываются ошибочными. Таковы, например, ответы на вопрос о том, какова природа огня:

...Ты – из вод (т.е. из грозовой тучи. – А.М.), ты – из камня,

Ты – из деревьев, ты – из растений (II.1.1).

Из этих слов видно, что, по мнению ариев, огонь в скрытом виде таится в перечисленных объектах, а не есть следствие взаимодействия таких факторов, как горючий материал, температура и кислород.

После только что сказанного, можно сделать вывод, что источником первоначальных знаний, которые клались поэтами в основу мифов, было чувственное наблюдение окружающего мира. А оно способно дать лишь сведения о внешних характеристиках явлений. И это понимали сами поэты. Они, например, наделяли познание и знание видимыми свойствами Солнца, т.е. чертами его внешнего облика:

В мысли Патанга (Солнце. – А.М.) несет речь.

Ее провозгласил Гандхарва в утробе,

Это сверкающее небесное познание... (X.177.2)

Хотя, правда, можно привести некоторые редко встречающиеся примеры проникновения арийских мудрецов в более глубокие слои природных явлений. Так, они достаточно близко подошли к правильному пониманию круговорота воды в природе. Дождь, по их мнению, возникает вследствие того, что влага поднимается с земли на небо с дымом жертвенного костра и возвращается обратно в виде дождя:

Эта одна и та же вода

Двигается вверх и вниз с течением дней (I.164.51).

Также они догадывались, что Солнце является одним из важнейших факторов жизни:

Скрываясь (в водах), текущих вместе и в разные стороны,

Он (Солнце. – А.М.) шевелится во всех существах (X.177.3).

Чувственный характер представлений, имеющих место в адекватном реальности содержании мифов, позволяет более или менее легко определять их реальные референты, устанавливать соответствие между этими представлениями и самими явлениями. Из этого следует, что этот компонент мифов обладает корреспондентной истиной. А раз так, то на основании этого

компонента мы вполне можем судить об уровне и характере знаний древнеарийского социума об окружающем мире как о знании феноменологическом, ограниченном возможностями непосредственного чувственного опыта.

Содержание мифов, неадекватное реальности. Помимо элементов реалистического содержания в мифах имеются образы, для которых нет адекватных прототипов в действительности. В случае мифа об Ашвинах такими образами являются сами эти боги в облике прекрасных юношей, кони, влекущие колесницу или снабженная парусом ладья, кнут в руках Ашвинов, мешок с медом. Все эти предметы в реальности не имеют никакого отношения к росе как к основному референту данного мифа и поэтому не могут отображать что-либо из числа характеристик росы. Они относятся к совершенно иному классу явлений и, соответственно, к иной системе понятий, к иной парадигме. Но для чего они включены в этот миф?

Предназначением подобных образов или понятий является репрезентация тех характеристик референта, которые не отображены адекватными представлениями. В данном мифе этими характеристиками оказываются такие черты явления росы, как быстрое, по мнению ариев, перемещение ее с одного края неба на противоположный, средства, с помощью которых осуществляется это перемещение, емкость, в которой находится роса. Мы видим, что, во-первых, сами представления ариев о механизме появления утренней и вечерней росы ошибочны, а, во-вторых, они репрезентированы неадекватными образами, а поэтому являются условными, не содержащими какой-либо информации о действительном референте мифа. Поэтому такие элементы мифов и являются неадекватным по отношению к референту содержанием. Это позволяет нам считать такое содержание неистинным, ложным.

Но таковым оно является по отношению к референту мифа. Однако если эти образы рассматривать как отображения предметов той области, из которой они позаимствованы, то в этом случае они оказываются информативными, сообщающими нам в значительной степени достоверную информацию о предметах своей области (в случае данного мифа об облике арийских юношей, о реальных конях этого народа, об их колеснице и т.д.) При таком взгляде на эти образы вполне можно говорить об их истинности. Они формируются путем переноса представлений или понятий из одной концептуальной системы в другую. Но поскольку эти области принципиально отличны друг от друга, то

репрезентация предметов и их свойств одной области действительности посредством концептуальных средств другой, инородной области оказывается неадекватной, фантастической. Эта мыслительная операция превращает формируемую мыслительную картину в миф, в неправдоподобную структуру. Эта структура становится ментальным гибридом, поскольку в ней соединяются элементы реалистического и фантастического содержания. Одновременно в ней имеет место истина и ложь. Вопрос об истине вполне правомерно ставить относительно репрезентирующего содержания.

Условные образы в мифах используются для того, чтобы представлять непознанные стороны и свойства референтов этих мифов. Этими сторонами и свойствами были такие важные характеристики, как причины явлений, их механизмы, сущность, генезис и т.п. Не владея необходимыми для познания этих характеристик средствами эмпирического и мыслительного познания, архаичные люди прибегали к методам, ведущим познавательный процесс не к его движению в глубину явлений, а, напротив, уводящим его в сторону – к явлениям иных областей и притом к их поверхностным, внешним свойствам.

Вследствие гибридности содержания мифов их план выражения оказывается гетерогенным. С одной стороны, он включает в себя более или менее адекватные образы тех или иных черт референтов, а с другой – неадекватные, условные, а главное, инородные. Первые репрезентируют доступные чувственному восприятию признаки референтов, вторые – недоступные такому восприятию, совершенно непознанные сущностные, глубинные характеристики. Если в первом случае мы имеем более или менее достоверное знание о реально наблюдаемых характеристиках и поэтому можем решать вопрос о наличии или отсутствии соответствия между ними, то во втором случае мы имеем дело с критической ситуацией – здесь нет и знания о репрезентируемых характеристиках, и само репрезентирующее содержание фиктивно. Но тем не менее архаичные люди не считали такую ситуацию неприемлемой. Напротив, они воспринимали ее как вполне удовлетворительную, а фиктивное содержание истинным. О какой истине здесь может идти речь?

Для архаического человека существовал такой критерий истины, который допускал признание истиной того, что с нашей точки зрения является ложью. Этим критерием была не обоснованность и доказанность того или иного понятия или утверждения, что характерно для научного понимания истины, а принятые социумом и обязательные для его членов установки, притом как в практической,

как и в мыслительной деятельности. Это установки на непогрешимость социальных и поведенческих норм, высказываний авторитетов, в том числе и идеологов социума – жрецов, мудрецов-поэтов. Эти факторы получали статус священных. Так мифы наделялись особым видом истины – сакральной, которая, однако, по своей природе была декларативной. С точки зрения корреспондентной теории истины такая истина является ложью. Но в архаическом сознании ложь мифа устранялась верой в его истинность, основанной на вышеупомянутых установках. Таким образом, миф соединяет в себе два противоположных компонента сознания – веру и знание. Но в вере мышление присутствует «недостаточным образом, – пишет В.А. Лекторский, – что мешает ей стать знанием, подлинным постижением того, что есть на самом деле»¹⁵. В результате соединения знания и веры в миф внедряется острый конфликт объективного и субъективного, который в конечном счете всегда приводит мифологическое мышление к поражению.

Неадекватное реальности содержание мифов нельзя считать однотипным. В нем можно выделить два существенно различных вида. Черты одного из этих видов мы только что описали. Для этого вида характерно использование вполне реалистических образов, но взятых из инородной концептуальной системы. Такие образы оказываются достаточно информативными, хотя они в той или иной степени модифицируются мифологическим мышлением. Этот вид репрезентации референтов можно назвать парареалистической частью неадекватного содержания мифов. К нему можно отнести и ряд элементов из истории происхождения Ашвинов и их родословной. Здесь мы видим использование черт, характерных для родственных отношений в среде людей. Налицо перенос признаков из одной области (антропной) в другую (теогоническую).

Другой вид представляет собой вымышленное содержание. Примером этого из образа Ашвинов могут быть такие признаки, как разбрызгивание ими с небесной высоты меда, сочащийся из колес колесницы мед и т.п. Другим ярким примером вымышленного содержания является величественная картина рождения из океанских вод священного коня:

Когда ты заржал впервые, рождаясь,
Вздымаясь из океана или из первородного источника, –
Крылья сокола, передние ноги антилопы –
Достойное хвалы было твое великое рождение, о скакун.

¹⁵ Лекторский В.А. Вера и знание в современной культуре // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 14.

Его, подаренного Ямой, запряг Трита.
Индра впервые сел на него верхом.
Гандхарва схватил его поводья.
Из солнца вытесали вы коня, о боги (I.163.1-2)

Три у тебя, говорят, на небе привязи,
Три в водах, три в океане.
А еще кажешься ты мне подобным Варуне, о скакун,
(Там,) где, говорят, твое высшее место рожденья.

О скакун, это твои места для купанья,
Это сокровища копыт победителя.
Здесь я увидел твои несущие счастье поводья,
Которые охраняют пастырей закона.

Мыслью издали познал я твою суть,
Птицу, летающую в поднебесье.
Я видел (твою) голову, храпящую
В полете по легким путям, лишенную пыли.

Здесь увидел я твой высший образ,
Стремящийся к подкреплениям в следе коровы.
Как только смертный достиг наслаждения тобой,
Тот, кто больше всех пожирает растения, пробудил (их).

Следом за тобой – колесница, следом – юный муж, о скакун,
Следом – коровы, следом – благосклонность девиц,
Следом за твоей дружбой идут войска.
Боги наделили тебя героической силой.

Он с золотыми рогами, его ноги из железа,
Он стремителен, как мысль, – Индра остался позади него.
Сами боги пришли вкусить жертву у того,
Кто первым сел на коня (I.163. 4-9).

Тело твое в полете, о скакун.
Твоя мысль скользит, словно ветер.
Твои рога, находящиеся во многих местах,
Двигутся, извиваясь, по лесам (I.163.11).

Можно ли ставить вопрос об истине по отношению к подобным нереалистическим образам? Для этого нужно иметь в виду то, как относились к

таким картинам древние люди. А они считали их истинными. Почему? Каким образом такие фантастические построения принимались за истину?

В этом случае нам нужно посмотреть на подобные построения с точки зрения такой концепции истины, которая называется когерентной. По отношению к знанию такой истиной является внутреннее соответствие его элементов друг другу в пределах некоторой концептуальной системы. Здесь истина проявляет себя в качестве внутренней гармонии знания. И в этом случае не ставится вопрос о соответствии знания внешней реальности. Но такое понимание истины может быть применено и к мифологическим концептуальным системам. Если в таких системах имеет место соответствие одних элементов другим и в целом всей системе, то можно также говорить, что компоненты этой системы (мифические образы, сюжеты) также истинны. Необходимо прежде всего, чтобы они соответствовали исходным, базисным концептам и методологическим принципам этих систем. Еще Платон говорил о важности соответствия утверждений избранным исходным понятиям. «...Именно этим путем двинулся я вперед, каждый раз полагая в основу понятие, которое считал самым надежным, и то, что, как мне кажется, согласуется с этим понятием, я принимаю за истинное, идет ли речь о причине или о чем бы то ни было ином...»¹⁶

Мы видим, что у Платона истинность исходного понятия определялась его собственным представлением о надежности этого понятия. Таким же образом поступали и мифотворцы, считая избранные ими базисные понятия и образы истинными. Так что если стать на точку зрения данной концепции истины, то мифы и их компоненты, рассматриваемые в абстракции от их отношения к предметной реальности, также истинны, что, по-видимому, было для архаичных людей вполне убедительным аргументом. У Платона тоже ведь истина была определяющей характеристикой созданного им верховного мира идей. Но когда мы посмотрим на мифы с корреспондентной теории истины, то они окажутся истинными лишь в некоторой степени, о которой речь шла выше.

Древним людям, которые как и весь человеческий род, стремились прежде всего к получению пользы, выгоды от окружающего мира и от своей деятельности, нетрудно было подойти к прагматическому пониманию истины. Когда молитва или просьба, обращенные к богам, давали, как казалось, желаемый результат, это рассматривалось как подтверждение их истинности. Истинными считались и боги, благодаря которым, по мнению просителей, достигался такой результат.

¹⁶ Платон. Сочинение в трех томах. Том 2. – М., 1970. С. 70.

(Ты,) который выжимающему (сок сомы. – А.М.)
(и) варящему (жертвенную пищу. – А.М.) неистово,
Захватываешь добычу, конечно – ты истинен! (II.12.15), –
воскликает жрец, восхваляя Индру, а через него и соответствующие действия людей.

Но более глубоким было то понимание ариями истины, которое связывало это понятие с объективной реальностью. Согласно ему истина свойственна определенным явлениям действительности. Это прежде всего масштабные природные явления, могучие силы природы, непререкаемые, действующие неумолимо и неотступно. К числу таких явлений относились, например, грозовые тучи с их молниями и громами, бушующие ветры, олицетворяемые богами Марутами.

О вы, чья сила истинна,
Проявите ее (своим) величием!
Пронзите молнией ракшаса (демона. – А.М.) (I.86.9), –
призывает этих богов риши.

Истиной считались еще более фундаментальные черты действительности, те, в которых отражается постоянство, регулярность явлений природы, их непреходящий характер. Они вносят в безбрежный, необъятный и непостижимый мир определенный порядок, устойчивость, организованность. И это принималось за высшую истину, поскольку становилось достаточно надежной опорой еще не оформившемуся архаическому сознанию. Эта истина пока что усматривалась лишь во внешней реальности, но приписывалась продуктам мысли. Она управляла не ею, а самой реальностью, была его законом, обеспечивала нерушимый способ его бытия. Таким был прежде всего космический закон *рита*, вносивший регулярность и постоянство в наблюдаемые небесные явления. Говоря от имени этого закона, поэт описывает его роль следующим образом:

Оба мира (небо и земля. – А.М.) я очищаю законом.
Я сжигаю великие силы лжи, лишённые Индры...(I.133.1)

Мы видим, что к пониманию истины в гносеологическом смысле архаический человек шел через ее понимание в онтологическом смысле. К феноменам сознания истина переносилась через образы богов, которые, будучи олицетворениями истин природы, также считались истинными. Древним мудрецам оставалось осуществить эту операцию перенесения с реальности на ее адекватный образ, и они бы подошли к гносеологическому пониманию истины. Но такая операция означала бы конец мифологического мировоззрения, а тем самым

и важнейшего идейного регулятива их жизни в ситуации, когда еще не сформировались методы и приемы рационального мышления. Но люди архаики глубоко понимали большую психологическую и моральную функцию истины, в чем образцом для них были боги:

Истиной, о Митра-Варуна,
Умножающие истину, лелеющие истину,
Вы достигли высокой силы духа. (I.2.8)

Методология формирования гетерогенного содержания мифов. Анализ образа богов Ашвинов позволяет выявить некоторые способы и приемы мифотворчества. Для этого нужно сопоставить содержание этого образа, т.е. построенную арийскими мудрецами специфическую ментальную конструкцию и содержание реального явления, референта данного образа. Из такого сопоставления становится ясным, какие новые, собственно ментальные элементы привнесены в названную конструкцию и тем самым дополнили собой реалистическое содержание природного объекта. Характер этих элементов дает возможность определить мыслительные операции, которые необходимы для их построения.

Первое, вполне очевидное отличие мифического образа от природного явления, в данном случае Ашвинов от росы, состоит в том, что это явление дополняется субъектностью, т.е. способностью активного и сознательного действия. С помощью такого приема субъективизации явлений природы мифотворцы решали проблему объяснения того, как подобные явления возникают, обладают определенной активностью и динамизмом. Архаический человек еще не был в состоянии познать естественные причины и факторы таких процессов, а потому объяснял их путем переноса на природный мир знакомых ему из сферы предметной деятельности человека движущих факторов. Этими факторами являются намерения, цели, установки и физические операции людей. Представления об этом, являющиеся по существу своеобразной парадигмой предметно-мыслительной деятельности, древние мудрецы переносили на сферу природных процессов, строя таким образом их истолкования и объяснения. Но парадигма была неадекватной данному типу процессов, как антропное природному, а потому приводила к появлению фантастических образов. Ашвины, как и другие сверхъестественные существа, выступающие в роли движущих факторов тех или иных физических явлений, оказывались чисто мыслительными конструкциями, не имеющими адекватных коррелятов в действительности. Вследствие этого мифические образы превращались в гибрид вымышленного и

реалистического содержания. Фантастические компоненты этих образов не находятся с реальностью в отношении соответствия. Их действительная роль – условная, символическая, метафорическая репрезентация действительных референтов. Такая условная корреляция между образом и предметом и делает задачу истолкования этого образа трудной, превращая содержание мифов из адекватной картины реальности в поэтическую. Суть же деификации явлений действительности состоит в их субъективизации с помощью антропных парадигм. Природный мир тем самым социализируется, соединяя в себе физическое и социальное. Человек действует по отношению к такому миру одновременно и как к физическому, и как к человекоподобному.

Наделение природного субъектностью – еще одна базисная черта мифологического мышления. С помощью этого приема мифотворцы решали проблему причин, факторов происходящих в природе изменений и наблюдаемых в ней проявлений активности физических и биологических феноменов. Этот прием явился истоком процесса измышления богов, этих квазисубъектов мифологизированного мира. Так, богу Индре приписывается причина непонятного древним ариям явления землетрясения:

Ты велик, о Индра: ведь (ты – тот,) кто порывами неистовства,
(Едва) родившись, небо и землю поверг в ужас,
Когда все чудовища (и) даже твердые горы,
Из страха перед тобой задрожали, как былинки (I.63.1)

Социоморфность природы усиливается с помощью еще одного метода мифологического мышления. На явления природы переносятся те процессы возникновения и последующей организации мифических существ, которые характерны для человека – рождение и установление родственных связей. Эти существа наделяются определенными генеологическими отношениями, объединяются в семьи. Иными словами, при построении картины природных явлений используются еще две собственно антропные парадигмы – рожденческая и фамильная. Природный мир еще больше уподобляется социальному миру. Но поскольку и в этом случае используются неадекватные парадигмы, то картина мира становится еще более фантастической.

Она строится и с помощью такого метода, как обобщение. Обнаружив у какого-нибудь природного явления какое-то свойство и приписав его с известными модификациями соответствующему божеству, древние люди затем обобщали это свойство божества и распространяли его действие на другие явления. Так, способность росы в некоторых случаях оказывать целебное действие на человека

сначала дала основание считать Ашвинов целителями. Но затем эта форма помощи людям была распространена и на другие критические ситуации в жизни людей. Ашвины стали их помощниками во всех бедах и трудностях. Они были наделены способностью излечивать слепых, хромых, дряхлых, бесплодных и т.д., чем, конечно же, не обладает первоначальный прототип этих богов – роса. Ашвины стали помощниками в успешном ведении скотоводческого и земледельческого хозяйства, богами плодородия и изобилия. Поэтому к ним и обращались с соответствующими просьбами. Мы видим, как здесь обобщение перерастает в произвольную экстраполяцию, дополняемую чрезмерной гиперболизацией, что увеличивает фантастичность этого образа. Примером произвольного обобщения могут быть следующие стихи:

Ведь это вы влагаете плод в самок,
Вы – во все существа!
О быки-Ашвины, вы вызываете к жизни
Огонь и воды, и лесные деревья.

Ведь вы – два целителя с целебными средствами
И два колесничих со всем, что связано с колесницей.
И вы, о два грозных (бога), наделяете властью того,
Кто, имея жертвенное возлияние, от души вас почтил (I.157.5, 6).

С помощью такого обобщения риши пытались объяснить указанные в стихах явления зачатия, появления огня и воды и др. Они увидели в них нечто общее, а именно роль воды, жидкости в этих явлениях. Так, вода, например, способствует росту деревьев, а деревья становятся источником огня. Тем самым арии начинали усматривать причинно-следственную связь между довольно различными явлениями, отыскивая общее для них звено.

Благодаря таким методам мышления мифические образы вступают в острые противоречия с реальной действительностью. Противоречия возникают и внутри самих образов, поскольку в них включаются элементы, сконструированные с помощью разнородных парадигм. Но несмотря на такую эклектичность, содержание данных образов архаичные люди считали истинным и строили свою жизнедеятельность в соответствии с такими гетероморфными концептами. Основанием подобного отношения к последним были такие детерминирующие факторы архаического сознания, как вера в непогрешимость идей лидеров и духовных лиц, в достоверность общепринятого и санкционированного элитой содержания, получавшего статус сакрального. Вера, таким образом, допускает явные противоречия в мыслительных построениях. Ее принцип – соответствие не

реальности, а установленным социальным нормам. Проблема истинности решается не по линии «концепт – действительность», а по линии «концепт – установки доминирующего сознания». Архаичные люди еще не познали принцип истинного знания – его обоснованность и доказанность. Поэтому истину в понимании мифологического сознания можно назвать конвенциональной, декларативной. Истина в научном понимании, т.е. как содержание, адекватное реальному положению вещей, находится в мифах не в их явно выраженном плане, а в подтексте, в неявном плане, в их предметных референтах. Эти референты частично и иносказательно отображены во внешнем плане мифических образов. Поэтому проблема истолкования мифов, референции мифических образов состоит в умении на основе этого энигматического плана реконструировать неявный, эвристически чрезвычайно значимый план, значимый для истолкования мифов и для постижения тех реальных явлений и событий, которые легли в основу мифологических построений.

Это же помогает получить представление о характере знаний древних людей о подобных событиях и явлениях. Мы сможем увидеть, в каком отношении эти знания достоверны, а в каком ошибочны. Так, в случае мифа об Ашвинах мы в состоянии понять, каковы были знания ариев о росе. Отчасти они были достоверными, что видно из приведенных выше пунктов 2, 7, 8, 10-13. Но были и ошибочные представления (пункты 1-5). Неверным было понимание природы этого явления. Роса, конечно, не понималась ариями как конденсация водяного пара, находящегося в воздухе. Это была вода, взятая Ашвинами непосредственно из моря или реки, в том числе и небесной.

Не соответствует действительности и то, что эта вода, выпав на землю на рассвете, затем быстро в течение дня перемещалась на другой край неба и там выпадала в виде вечерней росы. Неверно представлялся и временной порядок этих рос. Вопреки реальному ходу событий сначала, как полагали арии, имела место утренняя роса, а затем из остатка той же воды, но переместившейся в другую часть неба, выпадала роса вечерняя. На самом же деле из образовавшегося в течение дня водяного пара возникает вечерняя роса, а затем из того же пара утренняя. Ошибочные представления сказались на содержании мифа. Представление о перемещении росной воды в течение дня по небу явилось основой для создания образа мчащихся по небу на колеснице богов. Но если бы арии знали истинный механизм процесса появления росы, то такой образ, по-видимому, не возник бы вообще.

Понятие мифа. Еще одним базисным свойством мифов является их репрезентативная функция. Они отсылают воспринимающих эти мифы людей к какому-нибудь внешнему явлению. Иными словами, мифы обязательно соотносятся с каким-либо референтом. На референциальный характер мифов уже обращали внимание в своих сочинениях выдающийся русский филолог А.А. Потебня (1835-1891 гг.)¹⁷ и немецкий философ-неокантианец Э. Кассирер (1874-1945 гг.)¹⁸.

Репрезентация мифами своих референтов осуществляется разными способами, которые отличаются друг от друга мерой наличного в них реалистического содержания и, соответственно, мерой неадекватного референту содержания. Чем больше в мифе содержания второго рода, чем более явственно представлено оно, тем легче распознать референт и тем самым легче истолковать миф. Напротив, чем больше в мифе неадекватного содержания, тем труднее выполнить указанные операции. В первом случае миф больше представляет собой содержательный образ референта, во втором же случае по мере увеличения неадекватного содержания он все больше отходит от соответствия своему референту и вследствие этого становится все более условным репрезентантом, превращаясь в информационно бедный символ. Наряду с этим миф делается все более загадочным, неясным, трудным для интерпретации. Но в любом случае в мифе имеется компонент, который более или менее явно отсылает к референту. Его можно расценивать как индикатор референта. В мифах, где имеется хотя бы какая-нибудь доля реалистической информации, таким индикатором выступает именно эта информация. В мифах же, в которых такой информации крайне мало, в роли индикатора референта может выступать, например, упоминание референта в названии мифа. К примеру, в мифе о происхождении Земли, как правило, нет никакого реалистического содержания. Указанием на референт этого мифа является в данном случае имя объекта мифа в его названии. Наличием такого признака как индикатора референта миф отличается от сказки, у которой нет необходимости в такой характеристике.

Поскольку миф в той или иной степени является условным репрезентантом своего референта, то это позволяет легко заменять конкретное содержание какого-нибудь мифа другим условным содержанием. Так в мифологиях возникают разные мифологические образы и картины одних и тех же явлений, одних и тех же

¹⁷ Потебня А.А. Слово и миф. – М., 1989. С. 260-270.

¹⁸ Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. – М. – СПб., 2000. С. 330-335.

феноменов. Так, у египтян богом мудрости и божественным судьей был бог луны Тот, тогда как у ариев эти функции приписывались Митре и Варуне – божествам утренней и вечерней звезды.

Специфика мифов становится еще более очевидной, если мы сравним их с научными понятиями и образами тех или иных явлений. Общей чертой тех и других является наличие у них внешних референтов, чем бы те ни были – природными объектами или психическими феноменами. Общим являются также и их функции: описывать, объяснять, истолковывать свои референты. Но способ, каким эти две формы мысли выполняют названные функции, оказываются различными. Первые, как было показано, делают это во многом неадекватно, иносказательно, тогда как вторые стремятся к максимальной адекватности, ясности и точности отображения референта. Этими различиями объясняется и своеобразие решения проблемы истинности в мифологическом и научном творчестве. Авторы первых декларативно утверждают истинность продуктов своей мыслительной деятельности. Вторые же не делают этого, пока не получают необходимые доказательства и до той поры считают их лишь гипотезами.

Для более адекватного понимания специфики мифов стоит сравнить их и со сказками. Последние так же, как и мифы характеризуются наличием в них большой доли вымысла. Но в отличие от мифа здесь не ставится задача соотнесения содержания с реальностью. Нет необходимости искать референты сказок, выяснять, насколько адекватно или неадекватно они отображают действительность. У сказок задача уже. Они выполняют лишь часть функций мифов, а именно вызывают у людей определенные эстетические переживания и пробуждают те или иные этические идеи.

В заключение, обобщая результаты предыдущего анализа, сформулируем определение мифа, основывающегося на примененном в этом анализе эпистемологическом подходе. Миф – это образ какого-нибудь реального явления, состоящий отчасти из адекватного и в большей степени неадекватного ему содержания, императивно наделенного статусом истины. Или иначе: миф – это в значительной степени неадекватный образ какого-нибудь явления действительности, выдаваемый полностью за истину. При таком определении мифами оказываются и продукты научного, политического или идеологического мышления, если они не соответствуют действительности, но при этом претендуют на бесспорную истинность. Главной чертой мифа оказывается противоречие

между его содержанием и референтом, условный характер отношения между ними.

Аннотация

Ведийская мифология содержит богатый материал о мировоззрении, образе жизни и социальной активности древних ариев. Но этот материал во многом остается недоступным восприятию современного человека из-за иносказательного характера языка мифов. Именно поэтому в значительной степени оказываются загадочными образы арийских богов. Прототипы некоторых из них до сих пор однозначно не определены, а это значит, что не выявлена важная с когнитивной точки зрения информация о реальных явлениях и событиях, содержащаяся в тех или иных мифических образах. К числу неразгаданных образов ведийских мифов относятся боги-близнецы Ашвины. В литературе по мифологии предлагается немало трактовок прототипов этих богов, однако с их помощью не удается понять содержание сюжетов, связанных с этими богами. В данной статье предлагается новая трактовка прототипа Ашвинов, которым оказывается обыденное природное явление – роса. Эта трактовка позволяет выявить особую роль данного явления в жизни пастушеских племен ариев, тесную связь этой жизни с определенными природными условиями. Результат получен благодаря методу поступенчатого выявления в мифе элементов реалистического содержания, их последующего синтеза и идентификации.